

Завязав наколенники, Вэй Цзи отступил на два шага:

— Ваше Высочество, встаньте, пройдитесь, проверьте, крепко ли завязано.

Если бы они развязались на глазах у всех сановников, случилась бы беда.

Цзян Янь сделал пару шагов, даже взмахнул ногой:

— Нормально.

Вспомнив, что вскоре придется идти оплакивать старую каргу, Цзян Янь почувствовал глухое раздражение:

— Если в будущем я взойду на престол, то непременно отменю этот архаичный обычай, чтобы все эти причастные и не причастные не выстраивались в сплошные ряды коленопреклоненных.

После кончины вдовствующей императрицы сановники и их домочадцы обязаны были три дня стоять на коленях у гроба во дворецкой усыпальнице, а также носить белые одежды траура в течение двадцати дней. В этот период строго запрещалось есть мясо, пить вино и устраивать веселье в поместьях.

Всё остальное еще можно стерпеть, но трехдневное стояние на коленях стоило многим жизни.

Цзян Янь брякнул это не задумываясь, а у Вэй Цзи от услышанного выступил холодный пот — он в ужасе уставился на него:

— Ваше Высочество...

Сообразив, в чем дело, Цзян Янь тоже понял, что сболтнул лишнего. И вовсе не потому, что заикнулся о собственном восшествии на престол, а потому, что его вступление на трон означало бы уход из жизни его венценосного отца.

Положение Цзян Яня как наследника престола было непоколебимо не только потому, что у императора был всего один сын, но и потому, что сначала они были отцом и сыном, а уж потом — монархом и подданным.

Если бы однажды наследник Цзян Янь проявил мудрость, гуманность и справедливость, заслужив любовь народа и чиновников, больше всех на свете радовался бы именно император.

Император и императрица поженились в юности и рука об руку прошли через десяток с лишним лет, сохранив глубокие чувства друг к другу.

Возможно, чтобы болезнь Вэй Цзи выглядела убедительнее, во второй половине дня заглянул придворный лекарь — проверить его пульс.

— Маленький господин Вэй, вам нужно поскорее поправляться. Если Ваше Высочество вернется и застанет вас в таком виде, боюсь, он нас всех накажет.

Услышав это, Цзян Янь остался крайне недоволен и запретил кому-либо докучать Вэй Цзи заботой, особенно привлекательным служанкам и слугам.

Впрочем, он и сам уже отвык от того, чтобы кто-то так тщательно за ним ухаживал.

Вэй Цзи робел по природе, и стоило ему совершить что-то тайком, как краска тут же заливала его лицо. Лежа на постели, он чувствовал, как пылают щеки, сердце колотилось, словно заведенное, а руки дрожали, точно он просеивал муку.

Изначально болезнь была ненастоящей, но с приходом лекаря Вэй Цзи и впрямь занемог — поднялась высокая температура.

Словно угадав мысли Вэй Цзи, Цзян Янь не дал ему возможности объясниться, молча набросил верхние одежды, запахнул плащ и вышел.

Не найдя другого выхода, Вэй Цзи вернулся к учебе.

Стоило ему уйти, как створки спальни заперли снаружи на замок, оставляя Вэй Цзи взаперти.

Приняв из рук маленького евнуха пиалу, Цзинь Фужуй принялся ухаживать за Вэй Цзи, зачерпывая ложкой горький отвар и поднося к его губам.

Сдерживая кашель, Вэй Цзи придерживая рукой край кровати, кое-как приподнялся:

— Не утруждайте себя, евнух, я сам.

Глядя на сникшего и поникшего от жара Вэй Цзи, Цзинь Фужуй весь изошелся в тревоге.

Цзян Янь расспрашивал обо всем предельно подробно. Вэй Цзи ничего не понимал, но исправно отвечал на каждый вопрос.

Осторожно взглянув на лицо Цзян Яня, Вэй Цзи подумал, что он и так пробыл в Восточном дворце слишком долго и не может вечно притворяться больным.

Цзинь Фужуй уговаривал Вэй Цзи через закрытую дверь:

— Ваше Высочество желает вам добра. В комнате есть чай, сладости, а также серебряные жаровни и ночной горшок. Проголодаетесь, захотите пить, замерзнете или вспотеете — обустройвайтесь тут сами, а чего будет не хватать, скажите мне.

Вэй Цзи понятия не имел, чем ему насолили смазливые служанки и слуги, и решил, будто Цзян Янь опасается, что он погрязнет в праздности.

Имея мудрого и просвещенного отца, добрую и любящую мать, а также старшую сестру, которая души в нем не чаяла, Цзян Янь и сам вырос с таким характером.

В Поместье маркиза у Вэй Цзи тоже было немало прислуги, но чуть больше года назад Цзян Янь вдруг поинтересовался, сколько у него в покоях горничных, какого они возраста, сколько лет прослужили в поместье и как выглядят.

Император всегда проявлял милосердие: в такие сильные снегопады слугам положено было возводить навесы, чтобы сановники не мерзли на улице понапрасну.

Заметив выражение лица Вэй Цзи, Цзян Янь с досадой бросил:

— Ладно, больше ни слова. Но ты — на дворе метет, сиди себе в Восточном дворце и носа никуда не высовывай.

Мэн-цзы говорил: когда Небо собирается возложить на человека великую миссию, оно прежде испытывает его сердце и волю, изнуряет его мышцы и кости.

Учеба — дело суровое и скучное, а сытая жизнь в тепличных условиях лишь расхолаживает волю.

Вэй Цзи и сам чувствовал, что с тех пор, как стал компаньоном по учебе Цзян Яня, его жизнь в Поместье маркиза стала слишком беззаботной, а это шло во вред занятиям.

Стоило вспомнить, что до того, как он стал доверенным лицом Цзян Яня, он дни и ночи напролет грыз гранит науки, едва ли не привязывая волосы к балке и не вонзая шило в бедро.

Поскольку к боевым искусствам у него не было способностей и отец не жаловал его вниманием, в случае, если бы младший брат в семье проявил себя как янгань, по законам Дайюна титул маркиза отошел бы именно янганю.

У Вэй Цзи оставалась лишь одна дорога — учеба.

Ему было невыносимо находиться в Поместье маркиза, да и в Восточном дворце его вытеснял Фан Цзиньань, так что, кроме как за книги, ухватиться было больше не за что.

После подсказки Цзян Янь Вэй Цзи вспомнил о собственных клятвах сдать императорские экзамены, и его словно озарило свыше. К нему вернулся прежний азарт и боевой дух, и он оставил при себе лишь одного слугу.

На самом же деле Цзян Янь запретил Вэй Цзи держать рядом красивых людей вовсе не из-за этого: накануне в книгохранилище он случайно услышал, как Фан Цзиньань хвастался наложницей, которую пристроила ему матушка.

Двое юных наследников завидовали ему черной завистью, но из-за строгой домашней дисциплины могли лишь слушать чужие рассказы.

— Наследник просто излишне осторожен. По мне так любое дело делается людьми: стоит лишь сблизиться с девчонкой из своих покоев, как половина дела уже в шляпе. А вторая половина — упираться до последнего, что попутал бес. Даже если получишь пару палок по спине, ради такого блаженства оно того стоило.

Слушая это, Цзян Янь разъярился и с размаху пнул дверь.

Увидев перед собой наследника с лицом темнее тучи, все трое испуганно замерли.

Вернувшись в свои покои, Цзян Янь ворочался всю ночь и не сомкнул глаз, а на следующий день издал запрет для Вэй Цзи.

Вэй Цзи заблуждался до самого сегодняшнего дня, свято веря, что тогда Цзян Янь просто давал ему мудрый совет.

—

Выпив лекарство, Вэй Цзи забылся тревожным сном.

Ближе к рассвету жар усилился, и Цзинь Фужуй, шепча молитвы Будде, то и дело поил его отваром.

Кто бы мог подумать, что простой визит лекаря обернется такими последствиями?

В их родных краях это называлось испугом от жара — когда из-за пережитого потрясения поднимается и не спадает высокая температура.

Но обычно от такого страдали младенцы до года: испугавшись какой-нибудь нечисти, они среди ночи сгорали от жара.

Сознание Вэй Цзи было затуманено: из целой пиалы он осилил едва ли половину, а остальное тут же вырвал.

Цзинь Фужуй снял с лба Вэй Цзи влажное полотенце и велел стоявшему позади маленькому евнуху:

— Ступай, принеси прохладную тряпицу. Если к возвращению Вашего Высочества маленький господин Вэй не сбросит жар, нам всем придется несладко.

Маленький евнух робко пискнул в ответ.

Снаружи по-прежнему бушевала метель. Опасаясь, что Вэй Цзи и впрямь до смерти перепугался, Цзинь Фужуй приказал повесить у входа в передние покои шестигранные медные колокольчики.

Северный ветер трепал их, и они звенели звонко и резко, словно лязг доспехов на поле боя.

Никто не ожидал, что в такую зимнюю ночь Цзян Янь вдруг вернется.

Снег валил слишком сильно, и император из милосердия повелел скорбящим сановникам вместе с семьями возвращаться по домам, освободив даже прислугу от ночного дежурства.

Вспомнив о Вэй Цзи в Восточном дворце, Цзян Янь упрямо решил пробиваться сквозь буран.

Сугробы уже достигали дюйма в толщину. Цзян Янь шагнул в заснеженный двор и вошел в спальню: его высокие сапоги насквозь промокли, а плащ покрылся ледяной коркой.

Цзинь Жуйфу про себя взвыл от отчаяния, но бросился навстречу и с трепетом доложил о том, что у Вэй Цзи не спадает жар.

Лицо Цзян Яня посуровело, он широким шагом пересек комнату.

Вэй Цзи лежал на постели, раскрасневшись от жара, в полном беспамятстве.

Сбросив плащ, Цзян Янь присел на край кровати и приложил ледяную ладонь к пылающему лбу Вэй Цзи.

Глухим голосом он спросил:

— В котором часу давали лекарство?

Цзинь Жуифу почтительно отрапортовал:

— Только что поили, но маленький господин Вэй проглотил лишь половину.

Глядя на покрасневшие от жара шею и мочки ушей Вэй Цзи, Цзян Янь повернулся к слугам:

— Эй, принесите вина.

Цзинь Жуифу бросил взгляд на стоявшего рядом евнуха, и тот мгновенно сообразил, выскользнув за дверь.

Пока маленький евнух ходил за вином, Цзинь Жуифу протянул Цзян Яню смоченное холодной водой полотенце.

— Я только что прикладывал его маленькому господину Вэй, ему вроде бы стало легче — по крайней мере, брови не так сильно хмурит.

Взяв полотенце, Цзян Янь положил его на лоб Вэй Цзи.

После долгих хлопот — то с холодными компрессами, то с растиранием вином — Вэй Цзи наконец открыл глаза.

Цзинь Жуифу сложил руки в молитвенном жесте, возблагодарив небеса: наконец-то пришел в себя.

Вэй Цзи еще ничего не понимал, голова была тяжелой и чугунной. Смыкая пересохшие губы, он увидел у постели Цзян Яня и решил, что это ему снится.

Пока тот не протянул руку — от прохладного прикосновения Вэй Цзи вздрогнул:

— Ваше Высочество?

— Жар спал, — Цзян Янь убрал руку и принялся отчитывать его: — Разве ты не говорил, что здоров? Разве не рвался во дворец дежурить у гроба?

Соображал Вэй Цзи сейчас с трудом: губы Цзян Яня шевелились, но до его затуманенного разума смысл слов не доходил.

В детстве Цзян Чжэн дала Цзян Яню прозвище Всегдаправ, стоило ему улучшить чужую оплошность, как он вцеплялся мертвой хваткой и не уступал никому.

Однако сегодня Цзян Янь не стал добивать Вэй Цзи за его «ошибки», и тысяча слов свелась к одной-единственной фразе:

— Впредь будешь слушать меня.

Вэй Цзи услышал лишь ее и едва слышно отозвался.

Вообще-то он всегда слушался Цзян Яня. И в этот раз не то чтобы ослушался — просто боялся, что его пребывание в Восточном дворце в дни траура по вдовствующей императрице навлечет на Цзян Яня дурные слухи.

Температура у Вэй Цзи только спала, сил было мало, и он снова провалился в тяжелый сон.

Спать было тревожно: разум вроде бы бодрствовал, но веки не открывались, а вокруг то и дело кто-то ходил, подсовывая ему то одно, то другое.

То воду, то горькое лекарство, то ощущал он легкое, едва уловимое касание, словно чужое дыхание.

Когда Вэй Цзи очнулся в следующий раз, за окном всюду заливало белым дневным светом, метель унялась, обнажив яркое солнце.

Раскрыв глаза, Вэй Цзи увидел прижавшегося к его плечу красивого юношу. Тот спал с закрытыми глазами, густые ресницы отбрасывали на веки изящную тень, а тонкие губы влажно блестели.

Сердце Вэй Цзи пропустило удар, и он попытался чуть отодвинуть плечо.

Цзян Янь нахмурился, перевернулся и прижался к Вэй Цзи еще ближе. Его подбородок устроился на чужом плече, и он, должно быть, во сне облизал губы.

Вэй Цзи боялся даже дышать, наблюдая, как Цзян Янь ерзает рядом, пока наконец не устроился поудобнее, после чего его брови разгладились.

Дождавшись, пока Цзян Янь погрузится в глубокий сон, Вэй Цзи затаил дыхание, приподнял голову и стал понемногу отползать назад, пытаясь увеличить расстояние между ними.

Именно в этот момент Цзян Янь проснулся. Разлепив недовольные веки, он нос к носу столкнулся с ошеломленным взглядом Вэй Цзи.

Встретившись глазами, оба увидели в них одинаковый испуг — ни один из них не ожидал

проснуться в такой позе.

Цзян Янь перешел в наступление первым. С наигранным возмущением отпрянув назад, он закутался в одеяло так, что видны были одни глаза, и набросился на Вэй Цзи:

— Ты... ты чего это тут ко мне прижимался?

Мозг Вэй Цзи заплыл туманом, и он машинально запротестовал:

— Ваш покорный слуга... ничего подобного не делал.

Цзян Янь:

— А почему мы тогда оказались так близко?

Вэй Цзи:

— Это не я...

Цзян Янь и слушать ничего не желал:

— То ты заявляешь, что будешь учиться к экзаменам, то вдруг... лезешь к мне с таким видом. Чего ты в конце концов добиваешься?

<http://bllate.org/book/18661/1799267>